

V.

Вернулся в родное село по-гожим легким днем. От станции идти было немного. Сразу же за большим вынозом лежала небольшая деревушка с покосившимися, подслеповатыми избытками. В разных местах виднелись серые бугры с дымившимися железными трубами. Дымок плавился в тихом застоявшемся воздухе. За деревней тянулись чуть побуревшие хлеба.

Сердце сжалось от боли за разрушенную родную деревню, но боль быстро вытеснилась радостью: он дома, скоро увидит своих...

В тесной землянке, обнимая жену, дочерей, понял, что здесь давно устоялось неизбывное горе. Он сел на лавку, огляделся. Молча перед ним стояли жена и дочери. И спросить не хватало сил. Рванул на груди гимнастерку, обнял сразу всех троих и оцепенел...

VI.

Немцы чувствовали себя в деревне спокойно. Никто их не тревожил. Все дома они давно обшарили и что не было спрятано, отобрали.

Володька часами сидел у окна, хмуро смотрел на немцев и ни с кем не разговаривал, а если отвечал кому, то чаще невпопад.

Мать пыталась поговорить с сыном по душам, но тот только тихо улыбался и просил за него не беспокоиться. Он был, как всегда, послушным. И когда уходил в лес за дровами, всякий раз сворачивал о прямой дороги и подолгу стоял неподалеку от школы, где немцы открыли госпиталь.

В канун Первого мая Вовка с утра исчез и только вечером вернулся домой повеселевшим и возбужденным. Он доверительно сообщил матери, что она с Санькой Зотовым день пробыли на большаке и слышали глухие артиллерийские раскаты с нашей стороны. Значит, наши наступают, значит, фронт приближается, и значит, скоро вернется отец.

Перед рассветом Марию разбудила автоматная очередь: Она вскочила с постели, зажгла лампу и омертвела. Вовки на кровати не было. Потом вскочили дочери, подбежали к матери, и тут у нее подкосились ноги, повалилась на пол.

— Мамочка! Мамочка, что случилось?! Ну, мамочка?! — в голос кричали девочки. Мария только и могла кивком головы указать в сторону, где стояла вовкина койка...

(Окончание).

Вовка и Санька по темку встретились у разбитого сараем сарая, поцепались и тихо пошли к комендатуре. Остановились недалеко и стали следить за часовым. Тот медленно прохаживался у крыльца, изредка подходил к окну, стучал кулаком. Окно открывалось, и худой, пьяный немец протягивал стакан с водкой, хохотал, хлопал часового по плечу и что-то бормотал сквозь смех. Видно, он не завидовал часовому, которому пришлось проводить ночь перед советским праздником на посту, и который скоро не будет отмечать русские.

портрет Ленина в честь праздника.

Матерей Вовки и Саньки, бесчувственных, отвели в соседний дом и отпавляли водой.

Уже позднее Марии рассказали: когда ребят повесили, у Вовки на груди все увидели красный пионерский галстук. Комендант тоже увидел галстук, подбежал к мертвому мальчику, вскочил на скамейку, на которой только что стояли живые пионеры, рванул галстук с груди. Тело мальчика качнулось и немец упал на землю. Снова вскочил, подбежал к старосте, который бывал скамейку из-под ног ре-

В ДЕНЬ ОБЫЧНЫЙ

Только под утро, перед самым рассветом, часовой уютно устроился рядом с крыльцом и вскоре уснул.

Вовка и Санька осторожно подкрались к двери комендатуры, развернули сверток и стали обмазывать дверь клейстером из детского ведерка. И вот — полдвери занял портрет Ильича. Он смотрел на полусумрачную деревню прищуренным взглядом. Ребята полюбовались своей работой и тихо стали спускаться с крыльца. Неожиданно распахнулось окно и все тот же немец навалился грудью на подоконник, он тут же крикнул, отпрянул от окна и сразу же в воздухе загремела очередь и такой она была оглушительной, что Вовка с Санькой присели от неожиданности. Санька выронил ведро и оно застучало по ступенькам. За метался часовой.

Ребят схватили, избили и заперли в кладовую.

А дальше было до жестокости просто. В полдень Первого мая жителей согнали к школе, соорудили две виселицы и привели двух двенадцатилетних мальчишек.

Их подвели к качающимся веревкам. Санька с черным от ударов лицом всхлипывал и все не мог поверить, что он в последний раз видит знакомые лица, это синее небо и солнце.

Вовка стоял рядом с другом и не поднимал глаз. Он чувствовал себя виноватым. Это он подбил друга повесить

бят, заколотил кулаками по его голове.

Староста вынул нож из кармана и перерезал галстук, бросил на землю.

Потом медленно пошел мимо тяжело и страшно молчащих жителей деревни.

В эту же ночь вспыхнула комендатура. А утром нагрянул острый карателей.

Каждый второй житель был расстрелян. Деревня сожжена...

VII.

Николай Арефьевич медленно поднялся с беседки, постоял, прислушиваясь, как торпливо бьется сердце, и пошел песчаной дорожкой к выходу из парка. Набежал слабый ветерок, зашумел в листве деревьев, опухнул лицо горячей волной, притих. Повсюду, за каждым кустом желтой акации, слышались смех и крики ребят.

Николай Арефьевич медленно думал: пусть Вовки нет в живых, но в памяти он остался навсегда таким, каким видел его в тот день, когда расстался с ним, уходя на фронт.

На улице ему встречались разные люди: старые, средних лет, но больше всего молодые.

Николай Арефьевич еще не полностью, только сейчас начинал сознавать, что он неразрывно связан со всеми этими людьми и что Вовка как бы останется жить, пока ходят по земле вот эти молодые люди, не испытавшие ужасов войны.